

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

В конце прошедшего столетия Карамзин, говоря о русской литературе, заметил, что *публика наша всего охотнее читает романы и повести*. Спустя 30 лет Пушкин с удивлением говорил, что публика "все еще сидит за романами и повестями: понравились!" Прошло 20 лет после Пушкина, -- и до сих пор в нашем обществе замечается то же явление. Беллетристика поглощает собою всю остальную литературу; журналы, в которых сосредоточивается теперь наша литература, считают главным своим отделом изящную словесность; книжка журнала без повести или романа -- в наше время так же невозможна, как, бывало, составление альманаха без стихотворений. Какие у нас писатели пользуются наибольшей известностью? Романисты. Какие произведения всего более переводятся с иностранных языков? Романы. Какие книги переходят из рук в руки, читаются и перечитываются? Опять -- романы и повести... Но будем ли мы удивляться этому? будем ли обвинять наше общество за такое настроение? *Не есть ли это необходимое условие той степени развития, на которой стоит народ?* Не заключается ли причина этого явления в самой сущности романа и в отношении его к современному положению общества?

В самом деле, всегда и у всех народов литература являлась отпечатком народной жизни, выражением общественных потребностей. *В первый, младенческий* период своей жизни человечество, как и каждый частный народ и каждый отдельный человек, все предано обаянию окружающей его внешней природы. С детским любопытством смотрит тогда человек на раскрывающийся пред ним божий мир; все его поражает, все удивляет, во всем представляется что-то дивное, таинственное, в благоговении и умилении повергается он пред непонятными для него красами и величием мироздания и населяет весь мир живыми образами, порождением своего духа, стремящегося выразить себя в творческой деятельности. И вот звучный *дифирамб, благоговейная молитва, восторженный гимн божеству* исходит из младенческих уст, представляя себе все чудесным и таинственным, связывая все явления природы с высшими неведомыми силами; человек любит в это время слушать фантастические рассказы, вносящие элемент чудесного во все, им видимое, одушевляющие для него всю природу, возводящие все частные явления к невидимому, но вечно живому и неизменному началу -- божеству. И вот является дивная народная *эпопея*, совмещающая в себе все религиозные верования, философские воззрения, нравственные правила народа. Весь мир олицетворен: каждая река, каждый лес, каждый пригорок -- являются вмещением высших сил, и самые боги являются между людьми, принимают участие в их действиях, помогают им, противятся, смешиваются с ними, иногда сами поражаются их героями, полубогами, и над всем этим тяжело властвует непостижимая, неотразимая, грозная сила судьбы... Здесь видим мы всю жизнь, все стремления и верования *древнего* человечества; здесь ясно отразилось это чистое, младенческое мирозерцание первого периода человеческой жизни.

В постепенном ходе развития является юношеский возраст. Много уже видел, много узнал пылкий юноша; кипит в нем молодая кровь, рвутся наружу свежие силы. Обнять гордой мыслью все мироздание, направить могучую руку на славные подвиги, стать одному против целого мира, разрушить все препятствия и отыскать свое счастье в наслаждениях высокой славы и верной любви -- вот возвышенные стремления юношеского возраста. И в это время поет человек великие подвиги, уже не сказочные, но все еще принадлежащие более миру фантазии, нежели действительности; в это время являются песни славы и любви; трубадуры и менестрели украшают рыцарские пиры, барды и баяны сопровождают героев в их походах. Странные утопии строит неопытный юноша, отыскивая свое счастье, воображая золотой век и патриархальные, невинные нравы, -- и вот является идиллия со всеми своими видоизменениями и очаровывает молодые чувства картинами воображаемой чистоты и невинности...

Но проходит пыл юношеских лет; настает возраст возмужалости, возраст -- обдуманности, зрелого рассуждения, опыта и смирения бурных порывов воображения и чувства. Теперь уже не строит человек мечтательных планов, не рвется на невозможные подвиги, не стремится охватить собою весь мир. Нет, осторожно и зорко осматривается он вокруг себя, долго думает над своим решением; хочет идти вперед, -- но не скачками, а твердой, медленной поступью, мало-помалу; стремится к знанию, но избирает для себя предметы более к нему близкие, имеющие прямое отношение к его жизни. И вот на этой-то степени человеческого развития и является *роман* как изображение жизни народа. Это не сказка, назначенная для увеселения малюток; не поэма, выражающая детское мирозерцание и наивные верования народа, не